

Сотни людей за спинами преследователей наконец получили приказ. С ревом, подобным обрушившейся горной лавине, они хлынули вперед.

Е Шу одним слитным движением вскочил в седло, притираясь конем к скакуну Дуань Юня. Взглянув на надвигающуюся стену щитов и мечей, он понял: этой битвы не избежать.

— Всем быть наготове! — выкрикнул Е Шу и обернулся к Дуань Юню.

Тот уже смотрел на него. В этом безмолвном обмене взглядами не было нужды в словах — лишь короткий кивок, и оба, обнажив клинки, вихрем ворвались в толпу врагов.

Они неслись вперед, подобно раскаленному ножу, разрезающему масло. Два меча прорубали в человеческом море кровавую просеку; там, где они проходили, сталь неумолимо находила плоть, и никто не мог сдержать их натиск. Остальные воины, воодушевленные их примером, сражались с яростью обреченных. Двадцать человек против пяти сотен — схватка превратилась в безумную, неразрывную круговерть.

Однако численный перевес начал сказываться. Пока Дуань Юнь и Е Шу сдерживали основной удар, их спутники один за другим падали на залитую кровью землю. Вскоре от двадцати бойцов осталось лишь пятеро, затем трое... пока в живых не оказались только они двое, окруженные плотным кольцом врагов.

В самом разгаре резни Е Шу вскинул голову, ища Дуань Юня. Тот в ту же секунду обернулся к нему. Долгие дни, проведенные вместе, научили их понимать друг друга без слов: одного взгляда хватило, чтобы принять решение. Пробиваясь сквозь частокол тел, они начали медленно сближаться, пока кольцо окружения неумолимо сжималось.

Наконец они сошлись. Спина к спине.

В этот миг они стали единым целым, доверив партнеру защиту своей жизни.

После первой волны схватки враг понес тяжелые потери: из пятисот человек на ногах осталось едва ли три сотни. Но это по-прежнему означало, что теперь на каждого из них приходилось по полторы сотни противников.

Е Шу ощущал спиной лихорадочный жар, исходящий от Дуань Юня. Их одежды, пропитанные кровью, потемнели, утратив первоначальный цвет. Сжимая рукоять меча и глядя на колышущееся впереди море лиц, он не чувствовал ни страха, ни колебаний.

— Е Шу, ты веришь в чудеса? — негромко спросил Дуань Юнь. Голос его звучал странно спокойно в этой зловещей тишине.

— Нет, — не задумываясь, ответил Е Шу.

Он выдержал паузу и добавил:

— Но я верю в себя.

Да, он был Е Шу. Мальчишкой-попрошайкой, который сумел выжить на улицах. Юношей, что годами изнурял себя учебой, не зная отдыха. Ученым, сохранившим ясность ума в любой буре, и гением, чье имя гремело на всю империю. В его мире не было места слепой удаче — только собственной воле.

Дуань Юнь не услышал того ответа, на который, возможно, надеялся. В глубине души ему хотелось, чтобы Е Шу нашел в нем опору, а не нес всё бремя в одиночку. Но разве не этот непоколебимый и гордый человек был тем самым Е Шу, которым он так восхищался?

— Хорошо, — коротко отозвался принц.

Они стояли, двое против армии, и в их позах не было и тени слабости. Эта аура непоколебимой решимости была настолько мощной, что сотни врагов на мгновение застыли, не решаясь сократить последние несколько шагов.

Напряжение росло, становясь почти осязаемым.

— В атаку! — проорал предводитель налетчиков. — Стереть их в порошок! Чтобы и костей не осталось!

— Убить! — взревела толпа. Гул голосов, подобно грому, сотряс лесную чащу, и враги единым валом бросились на двоих воинов.

— Осторожнее, — бесконечно нежно произнес Дуань Юнь.

Они синхронно кивнули друг другу — в глазах обоих читалась холодная решимость — и вновь окунулись в кровавый омут.

Два силуэта, черный и белый, мелькали среди врагов, словно призраки. Каждый выпад меча был смертоносным, каждый удар находил цель. Противники падали один за другим: двести пятьдесят... двести... сто пятьдесят... сто... пятьдесят.

Когда в живых осталось меньше полусотни нападавших, их охватил первобытный ужас. Глядя на горы трупов под ногами и на двух окровавленных демонов, которые, казалось, становились лишь сильнее с каждой минутой, выжившие начали пятиться.

Они больше не решались нападать, лишь держали мечи перед собой дрожащими руками. В их взглядах смешались страх и суеверное почтение. Двое против сотен, и они всё еще удерживали

верх — какая воля и мощь стояли за этим подвигом?

Е Шу чувствовал, как в ногах нарастает свинцовая тяжесть. Долгая битва истощила его силы; до этого дня ему никогда не приходилось участвовать в настоящем сражении, никогда прежде он не убивал своими руками. Эта первая битва заставила его пройти сквозь горы плоти и реки крови. Сердце колотилось в груди, как пойманная птица, а пальцы, сжимавшие меч, мелко дрожали.

Но он не мог опустить оружие. Не мог позволить себе упасть. Сдаться — значило предать всё, во что он верил.

Дуань Юнь, закаленный в бесчисленных походах, даже после такой резни выглядел бодрым. Он хищно следил за каждым движением противников, готовый в любой миг возобновить бой. Заметив краем глаза дрожь Е Шу, он ощутил, как сердце болезненно сжалось. Принц не мог простить себе, что Е Шу пришлось перенести такие муки. Для самого Дуань Юня эта схватка была привычным делом — будь перед ним пятьсот или пятьдесят тысяч врагов, он бы и бровью не повел. Но видеть страдания Е Шу было выше его сил.

Заметив, что защитники начинают выдыхаться, предводитель разбойников, всё это время прятавшийся за спинами своих людей, выехал вперед. На его лице играла презрительная усмешка.

Дуань Юнь обвел выживших ледяным взглядом.

— Слушайте меня, отребье, — его голос разнесся по лесу, холодный и властный. — Я даю вам последний шанс. Убирайтесь немедленно, и я оставлю вас в живых. Иначе отсюда не уйдет никто.

— Посмотрите на него, помирать собрался, а всё туда же! — главарь издевательски захохотал, и его люди, приободрившись, снова начали смыкать кольцо. — Если сейчас бросите мечи, я, так и быть, подумаю — может, похороню вас в целых гробах!

В глазах Дуань Юня мелькнула зловещая тень.

— Ты сам сделал выбор, — процедил он с абсолютным спокойствием.

И прежде чем кто-то успел моргнуть, из рукава принца вылетело скрытое лезвие. Короткий клинок прочертил воздух, промелькнул над телами убитых и с глухим стуком вонзился точно в грудь предводителя.

Тонкая струйка крови брызнула на гриву лошади. Главарь замер с выражением крайнего изумления на лице.

— Ты... ты... — он не успел договорить.

Тело разбойника тяжело рухнуло с седла. Глухой звук удара о землю разорвал тишину, воцарившуюся в лесу.

Стая птиц с криком сорвалась с ветвей, тревожа сумрачную чащу. Всё произошло в одно мгновение — стремительно, беспощадно и неотвратимо.

Остатки банды дрогнули. Потеряв вожака, они впали в смятение, не зная, сражаться дальше или бежать.

Дуань Юнь закрепил успех, выкрикнув:

— Вон отсюда!

Это было сказано с такой силой, что никто не посмел возразить. Разбойники уже собирались броситься врассыпную, как вдруг лесную тишину прорезал дробный топот копыт.

Через мгновение из гущи леса показался конный отряд. Обе стороны замерли в недоумении, гадая: кто же это — союзники или новая беда?

<http://bllate.org/book/17466/1696613>